

«Прощай, оружие!» Хемингуэя, или можно ли скрыться от войны в Швейцарии | « L'Adieu aux armes » d'Ernest Hemingway, ou Peut-on se cacher de la guerre en Suisse

Author: Наталья Беглова, [Женева](#) , 15.04.2022.

J. J. 2843 Gare des Avants et Dent de Jaman

Вокзал в Лез Аван и гора Дан-де-Жаман на заднем плане. Фотография начала 20 в.

В кризисные моменты, когда мир переворачивается с ног на голову, а читать новости нет сил, многим помогает обращение к качественной, проверенной временем литературе. Надеемся, поможет и вам.

|

Dans les moments de crise, quand tout est à l'envers et on ne peut plus de l'actualité, beaucoup se tournent vers la littérature classique, testée par le temps.

« L'Adieu aux armes » d'Ernest Hemingway, ou Peut-on se cacher de la guerre en Suisse

Роман Хемингуэя «Прощай, оружие!», написанный почти сто лет назад, а именно в 1929 году, сегодня приобретает особое звучание. Одно из самых мощных антивоенных произведений в мировой литературе, это также роман о любви. Время действия – Первая мировая война, 1915-1917 годы. Место действия – Италия и Швейцария. Герои романа – американец Фредерик Генри, командир транспортного отделения санитарной части итальянской армии, и английская сестра милосердия Кэтрин Баркли – пытаются укрыться от войны на берегах Женевского озера.

«От дома, в котором мы жили, начинался крутой спуск к небольшой равнине у озера, и в солнечные дни мы сидели на веранде, и нам было видно, как вьется дорога по горному склону, и виден был склон другой горы и расположенные террасами виноградники, где все лозы уже высохли по-зимнему, и поля, разделенные каменными оградами, и пониже виноградников городские дома на узкой равнине у берега озера. На озере был островок с двумя деревьями, и деревья были похожи на двойной парус рыбацкой лодки. Горы по ту сторону озера были крутые и остроконечные, и у южного края озера длинной впадиной между двумя горными кряжами лежала долина Роны, а в дальнем конце, там, где долину срезали горы, был Дан-дю-Миди. Это была высокая снежная гора, и она господствовала над долиной, но она была так далеко, что не отбрасывала тени».

Места вокруг деревни Лез Аван издавна славились своими трассами для катания на санях

Где же конкретно находился их дом? Мы попытаемся ответить на этот вопрос, но сначала напомним краткое содержание романа для тех, кто его подзабыл.

Фредерик Генри – архитектор. Он записался в итальянскую армию добровольцем. Ему казалось, что именно война – место для настоящего мужчины. Но реальность оказывается далекой от героического эпоса: дожди, холера, солдаты, калечащие себя, чтобы больше не сражаться. Все итальянцы, с кем он вместе воюет, ненавидят войну. Они бы и хотели дезертировать, но боятся: тех, кто уходит с поля боя, ожидает расстрел, а их семью – позор.

Генри все больше раздражают такие слова, как «священный», «славный», «жертва», которыми наполнены газеты и плакаты на улицах. На реальной войне он не увидел ничего священного и ничего, заслуживающего славы, а «жертвы очень напоминали чикагские боины, только мясо здесь просто зарывали в землю».

Хемингуэй очень скупо пишет о бесчеловечности этой бойни, он не пытается показать войну через кровь и жестокость. Но достаточно одной сцены, когда Генри видит, как умирает после обстрела один из итальянцев, чтобы передать весь ужас войны. «Он лежал ногами ко мне, и в коротких вспышках света мне было видно, что обе ноги у него раздроблены выше колен. Одну оторвало совсем, а другая висела на сухожилии и лохмотьях штанины, и обрубок корчился и дергался, словно сам по себе. Он закусил свою руку и стонал: "O mamma mia, mamma mia!" – и потом: "Dio te salve. Maria. Dio te salve, Maria. О Иисус, дай мне умереть! Христос, дай мне умереть, mamma mia, mamma mia! Пречистая дева Мария, дай мне умереть. Не могу я. Не могу. Не могу. О Иисус, пречистая дева, не могу я. О-о-о-о!" Потом, задыхаясь: "Мамма, мамма mia!" Потом он затих, кусая свою руку, а обрубок все дергался».

Эрнст Хемингуэй и его первая жена Хэдли в Лез Аван в 1922 году

Невольно вспоминается отрывок из другого романа – «Война и мир» Льва Толстого, когда тяжело раненного Андрея Болконского приносят в палатку на перевязочный пункт, и на соседнем столе он видит Анатоля Курагина, которому ампутируют ногу.

Как и Толстой, Хемингуэй говорит об ужасах войны не через рассказ о зверствах, там происходящих, а через показ несовместимости с войной счастья и любви. Генри влюбляется в молодую медсестру – англичанку Кэтрин Баркли, чей жених был убит на фронте. Очень быстро он понимает, что это не просто фронтовая интрижка, а настоящая любовь, которую он так ждал. В этой любви он видит спасение от того ужаса, в котором оказался. Генри решает дезертировать, для себя он это формулирует так: «Я решил забыть про войну. Я заключил сепаратный мир».

Вместе с Кэтрин они бегут в Швейцарию. Поначалу все складывается как нельзя лучше. Они поселяются в маленькой деревушке, находящейся в горах над Монтре. Где же именно, возвращаемся мы к заданному в начале вопросу. Подсказка – в одной из сцен романа. Оказавшись в Локарно, где беглецы получают визу, Генри для отвода глаз говорит о том, что едет в Швейцарию для занятий зимними видами спорта. И один из чиновников советует им ехать в Лез Аван: « - В Лез-Аван над Монтре превосходные условия для любого зимнего спорта».

В швейцарской деревне молодые люди ведут мирную уединенную жизнь. Кэтрин ждет ребенка, и они подолгу гуляют по еще заснеженным дорожкам, пролегавшим по склонам невысоких в этих местах гор: «К середине января я уже отрастил бороду, и установились наконец по-зимнему холодные, яркие дни и холодные, суровые ночи. Снова можно было ходить по дорогам. Снег стал твердый и гладкий, укатанный полозьями саней и бревнами, которые волокли с горы вниз. Снег лежал повсюду кругом, почти до самого Монтре. Горы по ту сторону озера были совсем белые, и долина Роны скрылась под снегом. Мы совершали длинные прогулки по другому склону горы до Бэн-де-л'Альяз. Кэтрин надевала подбитые гвоздями башмаки и плащ и брала с собой палку с острым стальным наконечником. Под плащом ее полнота не была заметна, и мы шли не слишком быстро, и останавливались, и садились отдыхать на бревнах у дороги, когда она уставала».

Эрнст Хемингуэй участвует в соревновании на тобогганах.

Такое детальное описание местности свидетельствуют о том, что и сам автор романа здесь бывал. Это действительно так. Хемингуэй прекрасно знал Лез Аван. Судя по всему, ему там очень нравилось. Подтверждений этому немало. Есть они, например, в книге воспоминаний «Праздник, который всегда с тобой». Описывая свою жизнь в Париже с первой женой Хэдли в 1920-х годах, Хемингуэй вспоминает, как дождливой осенью мечтал о поездке в Швейцарию: «У подножия Лез-Авана есть шале, где прекрасно кормят, где мы будем вдвоем и с нами будут книги, а по ночам нам будет тепло вдвоем в постели, и в открытые окна будут сиять звезды. Вот куда мы поедем. Если взять билеты третьего класса, это будет недорого. А за пансион придется платить лишь немногим больше того, что мы тратим в Париже».

Хемингуэй приезжал в Лез Аван не один раз. Именно здесь он впервые встал на лыжи, полюбил катание на санях и не раз принимал участие в соревнованиях на тобоггане (об этом возникшем в Швейцарии олимпийском виде спорта Наша Газета подробно [рассказывала](#)).

Правда, в первый раз приехав на берега Женевского озера в январе 1922 года, Хемингуэй выбрал для отдыха другой крошечный поселок – Шамби (Chamby), также находящийся над Монтре, не так далеко от Лез Аван. Остановились они с Хэдли в маленьком пансионе, который назывался Pension de la Forêt. Вероятнее всего, и героев романа «Прощай, оружие!» он «поселил» именно там. Деревни Шернэ (Cherney) и Фонтаниван (Fontanivent), которые Хемингуэй упоминает при описании прогулок героев, находятся ближе к Шамби, чем к Лез Аван. Там есть и старинный замок дю Шатлар (Le château du Châtelard), построенный в XV веке для защиты Монтре. Он возвышается именно так, как описано в книге: «на выступе горы, среди расположенных террасами виноградников».

CHÂTEAU DE CHATELARD .

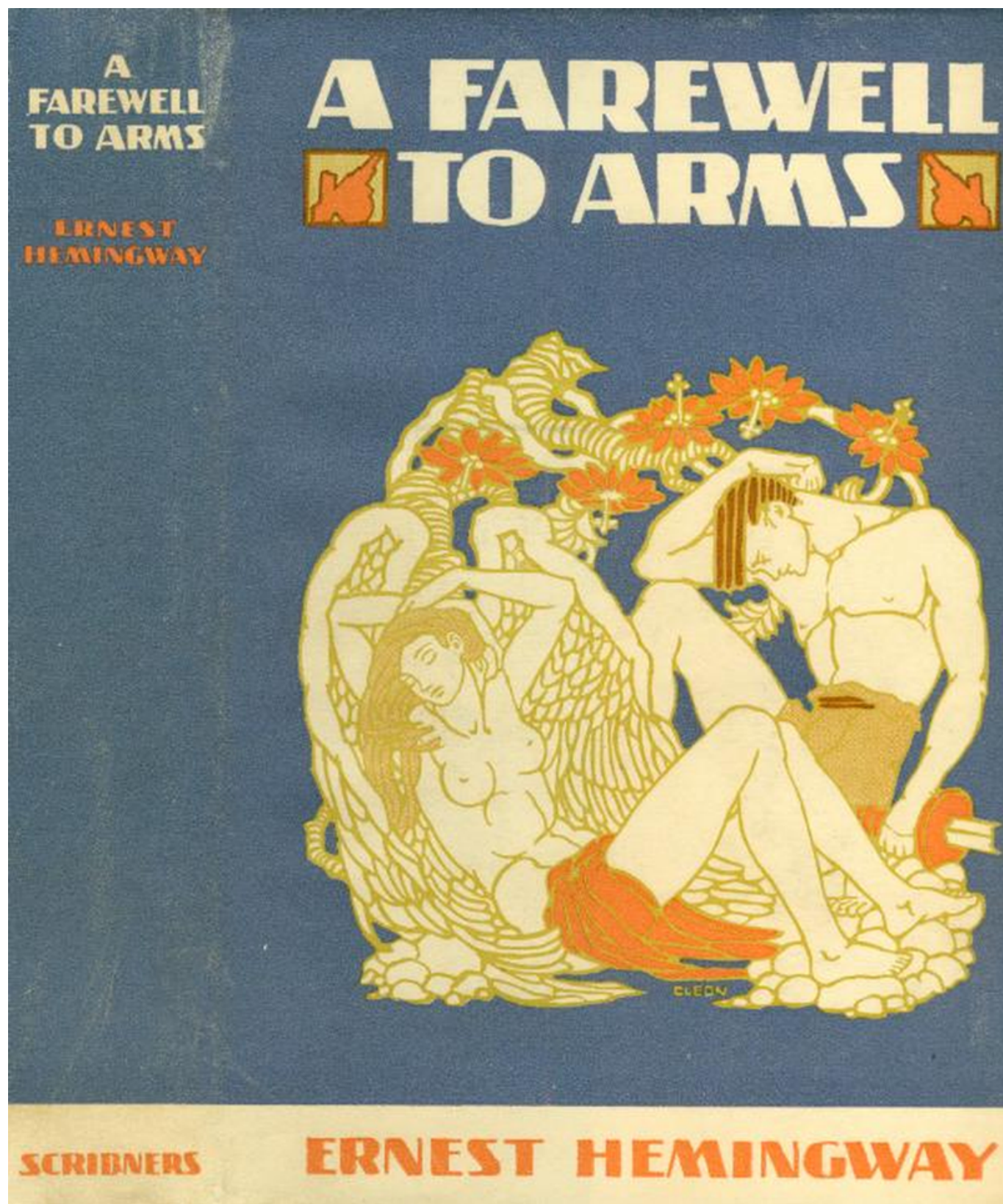
Шато дю Шатлар. Гравюра середины 19 века, раскрашенная акварелью

«Иногда мы спускались по склону горы в Монтре. От самого дома вела вниз тропинка, но она была очень крутая, и обычно мы предпочитали спускаться по дороге и шли широкой, отверделой от мороза дорогой между полями, а потом между каменными оградками виноградников и еще ниже между домиками лежащих у дороги деревень. Деревень было три: Шернэ, Фонтаниван и еще одна, забыл какая. Потом все той же дорогой мы проходили мимо старого, крепко сбитого каменного chateau на выступе горы, среди расположенных террасами виноградников, где каждая лоза была подвязана к тычку, и все лозы были сухие и бурые, и земля ожидала снега, а внизу, в глубине, лежало озеро, гладкое и серое, как сталь. От chateau дорога шла вниз довольно отлого, а потом сворачивала вправо, и дальше был вымощенный булыжником очень крутой спуск прямо к Монтре».

Итак, скорее всего, Фредерик и Кэтрин жили в Шамби. Но не столь важно, где именно они укрылись, чтобы насладиться своей любовью. Уютная жизнь в швейцарской деревушке – лишь иллюзия счастья. Идиллия оказывается недолговечной. Кэтрин умирает, родив мертвого ребенка. Заключить «сепаратный мир» и обрести мир и счастье посреди войны оказывается несбыточной мечтой.

Роман «Прощай, оружие!» во многом автобиографичен. Хемингуэй воевал в Италии в годы Первой мировой войны. Он, как и его герой, был полон иллюзий и записался добровольцем. Правда, оказался он на фронте в 1918 году, то есть чуть позже, чем его герой, и был не в санитарных войсках, а шофером полевой службы Красного Креста. Через месяц пребывания на фронте Хемингуэй был серьезно ранен во время минометного обстрела у австрийской границы и провел шесть месяцев в госпитале Милана, где также влюбился в медсестру. Однако он не бежал с ней в Швейцарию, а

вернулся на родину. В США его встретили как героя, а король Италии наградил его серебряной медалью «За доблесть» и «Военным крестом». Это была парадная сторона. Но была и «изнанка». Один из его друзей, навестивший Хемингуэя дома, в Оук-Парке, написал, что «он вернулся фигурально и буквально растерзанным на куски». Позднее сам Хемингуэй скажет: «Я был большим дураком, когда отправлялся на ту войну. Я припоминаю, как мне представлялось, что мы спортивная команда, а австрийцы – другая команда, участвующая в состязании».

Обложка первого издания романа «Прощай оружие!»

Над романом «Прощай, оружие!» Хемингуэй очень упорно – достаточно сказать, что было создано 47 вариантов окончания и 34 варианта названия. Многие исследователи творчества писателя считают, что окончательный вариант названия он позаимствовал у английского поэта 16 века Джорджа Пила. В лирическом стихотворении Пила «Прощание с оружием (королеве Елизавете)» рыцарь сетует, что он слишком стар, чтобы по-прежнему служить своей королеве Елизавете I, и уходит на покой, чтоб творить молитвы.

Но, безусловно, суть произведения Хемингуэя – не в призыве к молитве. Антивоенный пафос романа «Прощай оружие!» очевиден. Не случайно, что, наряду с другими книгами Хемингуэя, он был официально запрещен в нацистской Германии и Италии времен Муссолини.

Если у кого-то еще были сомнения относительно того, о чем эта книга, то сам Хемингуэй развеял их. В 1948 году он написал предисловие для нового иллюстрированного издания. К тому моменту писатель побывал на фронтах нескольких войн и, как он заявил, не мог «оставаться равнодушным к тому непрекращающемуся наглому, смертоубийственному, грязному преступлению, которое представляет собой война».

Роман, прославивший Эрнеста Хемингуэя, – о людях, принесенных в жертву молоху войны, требующей жестокости и бездушия. Она нужна разрушителям, а нормальный человек призван быть созидателем, ведь он создан по образу и подобию того, кто сотворил эту землю.

Прим. автора – Цитаты в переводе Е. Калашниковой приводятся по изданию: Э. Хемингуэй. Собрание сочинений, т.2, Москва, Художественная литература, 1968 г.

[Швейцария](#)

Source URL:

<https://dev.nashagazeta.ch/news/culture/proshchay-oruzhie-hemingueya-ili-mozhno-li-skrytsya-ot-voyny-v-shveytsarii>